

Куприянов Антон Геннадьевич, Крячко Владимир Борисович

АПОФАТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена выяснению значения апофатического кодирования в русской и английской лингвокультурах. Рассматривается знаковый характер двойного отрицания. Большое внимание в работе уделяется функционированию апофатических кодов в поэтических текстах. Показана реальность "третьего измерения бытия" – языкового пространства – через апофатическое кодирование.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/5/35.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 116-118. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81.39

Филологические науки

Статья посвящена выяснению значения апофатического кодирования в русской и английской лингвокультурах. Рассматривается знаковый характер двойного отрицания. Большое внимание в работе уделяется функционированию апофатических кодов в поэтических текстах. Показана реальность «третьего измерения бытия» – языкового пространства – через апофатическое кодирование.

Ключевые слова и фразы: апофатические коды; катафатика; знак; символ; денотат; изоморфизм; неопределенность объекта; формализация смысла.

Куприянов Антон Геннадьевич**Крячко Владимир Борисович**, к. филол. н.

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета
ya.usto@yandex.ru

**АПОФАТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ[©]**

Апофатика (апофатизм) известна как традиция отрицательного богословия (от греч. *apophatikos* – отрицательный), в основе которой лежит идея о невозможности определить Бога средствами позитивного измерения. Если, например, рассматривать Его Всемогущество (в категории Имен), то Бог всегда оказывается еще более Всемогущим, чем мы себе представляем. Он оказывается еще более Милостивым, чем наше понятие, заключенное в имя Всемилолюбивый, и т.д. Иными словами, речь идет об «учении о Боге в Самом Себе, которое отрицает возможность любого его определения средствами человеческого языка и понятий» [4, с. 87]. Считается, что учение было разработано Дионисием Ареопагитом (Псевдо-Дионисием) как метод, позволяющий приблизиться к Богу «путем отрицания всех возможных определений как несоизмеримых с его природой» [6]. Отсюда ведет свое происхождение древнеизраильская традиция, табуизирующая имя Бога («Не поминай имя Бога твоего всуе») и налагающая запрет на Его изображение. Язык и культура обрели свое единодушие в виде Декалога, обозначившего чувство святости. Это единодушие апофатично по сути, поскольку устанавливает границы конечного и бесконечного: возможного и невозможного, постижимого и непостижимого, знания и веры.

Наличие двух планов бытия предполагает их смежность. Провозглашая смежность, апофатика устанавливает запрет на их тождество (однозначность или равнозначность) и утверждает приоритет несходства. Неслучайно большая часть Десяти заповедей (8 из 10) изложена в форме запретов, утверждающих неравенство двух планов бытия: отрицание одного есть одновременно утверждение другого. Частица «не» провозглашается особо нагруженным семантическим знаком, не имеющим самостоятельного значения, но меняющим смысл: «не сотвори себе кумира», «не убий», «не прелюбодействуй», «не укради», «не лжесвидетельствуй».

And Jesus said, “You shall not commit murder; You shall not commit adultery; You shall not steal; You shall not bear false witness”. – *Иисус же сказал: «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй»* [11, Mth. 19:18]. Отрицательный знак, формализующий языковое пространство, несет абсолютно положительный смысл. Подобный способ выражения добра является единственно возможной формой в условиях неразличения «добра» и «зла», т.е. в условиях общества, живущего по законам природы. Язык является инструментом этики, формализующим ее с помощью знака. Знак амбивалентен по отношению к этике, а язык – нет. Язык избирателен в выборе средств, поскольку он этичен. Однако внутри любого языка культуры существует проблема познания себя, поскольку «“своя” культура выглядит как лишенная специфики» [3, с. 111].

Таким образом, язык, являясь инструментом сознания, указывает на его божественную природу, поскольку обнаруживается, что: 1) язык иноприроден; 2) язык этичен; 3) язык не может познать себя сам через свою кодовую систему. Все это говорит о состоянии неопределенности языковой системы, которое снимается за счет «расширения плана содержания» [1, с. 47]. Подобное стремление выразить невыразимое существует в разных языках и является общим для всех культур. Апофатическое богословие было известно в Индии, где Божество определялось как «не то и не то» и в греческой (Платоновской) философии [4, с. 87]. Это стремление порождает научные методы познания.

Апофатика сближает веру и знание. Более того, апофатика содержит в себе идею оправдания науки. Применительно к текстам речь, по всей видимости, идет о некоем апофатическом коде как механизме языкового сознания, характерными особенностями которого являются следующие:

1. Общность для всех лингвокультур. Апофатика представляет собой механизм познания и способ выразить невыразимое через посредство знака.

2 Неопределенность измеряемого объекта. Система находится в состоянии неопределенности, и апофатика есть средство для ее снятия.

3. Формализация смысла. Отношения между знаком и незнаковой сущностью определяют свой формат как 'часть – целое'. В данных условиях символ становится знаком особого рода, позволяющим решить задачу по снятию неопределенности апофатически – не полностью, а путем последовательного приближения к источнику смысла через ряд отрицаний. Возьмем отрывок из поэтического текста *W. Shakespeare "Romeo and Juliet"*.

<p>"Jul. 'Tis but thy name that is my enemy; Thou art thyself though, not a Montague. What's Montague? it is nor hand, nor foot, Nor arm, nor face, nor any other part Belonging to a man. O! be some other name: What's in a name?" [9, p. 7].</p>	<p>Джюльетта: «Лишь именем своим ты враг мне, но Сам по себе ты вовсе не Монтеки. Монтеки... но что значит это имя? Оно ведь – не рука и не нога, Оно – не часть какая-либо тела. О, выбери себе другое имя; Что в имени?» [8].</p>
--	--

Из текста видно, что сущность имени больше самого имени («Лишь именем своим ты враг мне»). Это напоминает вывод Павла Флоренского о понятии символа: «символ есть символизируемое, воплощение есть воплощаемое, имя есть именуемое, – хотя нельзя сказать обратное» [7, с. 140].

Однако, в мифологическом сознании «знак аналогичен собственному имени» [2, с. 527], что ведет к «отождествлению денотата» [Там же]. Иными словами, в мифологическом сознании имя и именуемое изоморфны друг другу.

Типичным знаком апофатического кода является двойное отрицание: в русском языке – *не то и не то, ни... ни*; в английском языке – *neither... nor, no... no, nothing... nothing*. Это характерно для поэтических текстов: «Родила царица в ночь / **Не то сына, не то дочь**; / **Не мышонка, не лягушку**, / А неведому зверюшку» (А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»).

К апофатическим кодам прибегают в случае недостаточности языковых средств, а еще остается что-то, стоящее уточнения: «И так он свой несчастный век / Влчил, **ни зверь, ни человек**, / **Ни то, ни сё, ни житель света**, / **Ни призрак мертвый**...» (А. С. Пушкин. «Медный всадник»).

Стихотворение Томаса Гуда «Ноябрь» полностью построено на двойном отрицании некоего понятия, образ которого постепенно выясняется. Неслучайно название стихотворения перенесено в конец текста.

<p>No sun – no moon! No morn – no noon – No dawn – no dusk – No proper time of day. No warmth, no cheerfulness, No healthful ease, No comfortable feel in any member – No shade, no shine, No butterflies, no bees, No fruits, no flowers, No leaves, no birds! – November! [9, p. 48].</p>	<p>Ни теней, ни огня, Ни рассвета, ни дня, Ни луны и ни солнца в помине, Ни небес, ни земли, Ни просвета вдали, Ни границ, ни предметов, ни сини, Ни дорог, ни ручьев, Ни начал, ни концов, Ни озябшего шпиля часовни, < Ни пчелы, ни цветка, Ни живого листка, Ни тепла, ни утех, ни досуга, Но туман, но разлад, Но слова невпопад – Ноябрь [10].</p>
--	--

В обыденном сознании апофатические коды используются в виде речевых штампов, пословиц и поговорок:

1) "Neither fish nor flesh" – «Ни то, ни сё», «Ни рыба, ни мясо»; 2) "Neither here nor there" – «Ни к селу, ни к городу»; 3) "Neither rhyme nor reason" – «Ни складу, ни ладу»; 4) "Nothing venture, nothing have" – «Волков бояться – дров не иметь»; 5) "No longer pipe, no longer dance" – «Скатерть со стола, друзья со двора» [5, с. 90, 92, 94].

Таким образом, апофатическое кодирование представляет собой механизм познания системы в состоянии неопределенности через посредство знака.

Список литературы

1. **Крячко В. Б.** Слово и информация: принцип неопределенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 46-48.
2. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
3. **Лотман Ю. М.** Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
4. **Мень А.** Библиологический словарь. М.: Фонд А. Меня, 2002. Т. 1.
5. **Митина И. Е.** Английские пословицы и их русские аналоги. СПб.: КАРО, 2003. 336 с.

6. Тульчинский Г. Л., Эпштейн М. Н. Апофатизм (апофатика) [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x3010.htm> (дата обращения: 25.03.2013).
7. Флоренский П. А. Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 672 с.
8. Шекспир В. Ромео и Джульетта [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/shks_romeo3.txt (дата обращения: 31.03.2013).
9. *Anthology of Verse Old and New* / под ред. И. С. Строганской. М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1947. 156 с.
10. Hood T. November [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2005/04/29-202> (дата обращения: 31.03.2013).
11. *New American Standard Bible New Testament* / Slavic Gospel Association, Inc. Wheaton (Illinois), 1977.

УДК 81.116

Филологические науки

В данной статье рассматривается вопрос о том, что валентностная схема английского глагола определяет как семантические, так и синтаксические актанты только в базовой переходной конструкции предложения. Семантическая структура других конструкций зависит от валентностной схемы, т.к. должна быть дана некоторая информация о субъекте и объекте. С одним и тем же глаголом возможно построение различных семантико-синтаксических типов предложения. Данная статья позволяет сделать вывод о том, что связи, которые возникают в английском предложении, противопоставляются связям, отражающим валентностные свойства глагола, так как они преломляются через потребности той или иной синтаксической структуры, которая имеет относительно самостоятельное существование.

Ключевые слова и фразы: грамматические категории предложения; глагольные лексемы; валентностная структура глагола; глаголы физического действия; синтаксическая парадигма; актант.

Логачева Марина Ивановна

Синяева Татьяна Геннадьевна

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
sytana@mail.ru; dobronraw@rambler.ru

КАТЕГОРИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

В литературе сейчас можно насчитать уже более двух десятков категорий предложения. Обозначенные категории подводят теоретическую основу под традиционные классификации предложений по разным параметрам и позволяют объединить отдельные структуры предложений в систему, компонентами которой они являются, и вне которой структура предложения не может рассматриваться как языковая единица.

Подразумевается, что категории предложения должны обладать следующими свойствами: 1) семантическое содержание грамматической категории должно распространяться на некоторое множество предложений; 2) каждая грамматическая категория предложения должна иметь членение. Каждый член грамматической категории должен иметь свою специфику в семантике и свои формальные свойства выражения этой семантики; 3) члены одной грамматической категории, образующие парадигму предложения, должны обладать некоторым тождеством. Таким образом, для определения грамматических категорий предложения фундаментальными являются понятия синтаксической парадигмы, т.е. инварианты и варианты (тождества и различия). Но, дело в том, что понятие тождества информации допускает широкое толкование и позволяет в конкретном лингвистическом исследовании объединять в одну парадигму предложения с разными глагольными лексемами, а это ведет к размыванию границ между парадигматическим и перифрастическим рядом.

Не могут полностью соответствовать и восходящие к трансформационной концепции критерии наличия у всех трансформов одинакового набора лексем и единого синтаксического значения самой конструкции, так как одинаковый набор лексем препятствует объединению в один ряд разных конструкций с одним глаголом, но разным количеством актантов, а единое синтаксическое значение конструкции затрудняет разграничение вариантов и инвариантов.

Из тезиса о конструктивной организующей силе глагола делают выводы о том, что: 1) количество и форма именных актантов задаются лексико-грамматическими свойствами глагольной лексемы или предиката; 2) глагол определяет синтаксическое значение этих конструкций. Согласно этой точке зрения, предложение разворачивается из глагола-сказуемого, который содержит информацию о компонентном составе предложения и этим самым определяет степень вероятности появления в одном предложении с ним тех или иных синтаксических классов (членов предложения). Предложение начинает рассматриваться сквозь призму лексикографического описания слова.

Следует сказать, что между тезисом о центральной роли глагола в предложении и приведенными выше положениями нет детерминирующих отношений. Первое положение (о количестве и форме именных актантов) нуждается в уточнении, т.к. если с одним и тем же глаголом возможны различные типы предложений – личные,